

В.И. Шенрок

Материалы для биографии Гоголя

Том 4. Часть 2

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Шенрок**
Материалы для биографии Гоголя: Том 4. Часть 2 / В.И. Шенрок – М.: Книга по Требованию, 2014. – 520 с.

ISBN 978-5-519-11813-2

ISBN 978-5-519-11813-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и безъ оглядокъ высказывать самыя рискованныя мистическія убѣжденія. Такъ по поводу смерти Языкова, котораго Жуковскій и Гоголь считали чуть не святымъ и о которомъ не сомнѣвались, что онъ „удостоенъ небснаго блаженства“, Гоголь писалъ матерн: „Я лишился наилучшаго моего друга, съ которымъ я жилъ душа въ душу, Н. М. Языкова, къ которому я питалъ истинно-родственную любовь, потому что питать истинно-родственную любовь я могу только къ тѣмъ, которые понимаютъ мою душу и живутъ сколько-нибудь во Христѣ дѣлами жизни своей“. Также, когда Гоголь узналъ, что его завѣщаніе огорчило и разстроило мать и сестерь, онъ не могъ удержаться отъ самоувѣреннаго заявленія, что изумился тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченіями разсудка“, причемъ, безъ всякаго сомнѣнія, причислялъ себя къ числу людей, уже живущихъ въ Богѣ. Но въ болѣе осмотрительной формѣ сходныя мысли были однажды высказаны въ досадѣ и С. Т. Аксакову: „Другъ мой, вы не взвѣсили, какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самого Христа“. (Спрашивается: не дѣлалъ ли этого на каждомъ шагу самъ Гоголь?) „Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во все дѣла свои, помысленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою, и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано“¹⁾. Но отчего же Гоголь былъ такъ увѣренъ за себя, что онъ принадлежитъ къ числу первыхъ, а не послѣднихъ? Увы! онъ не допускалъ и минутнаго сомнѣнія въ этомъ, а результаты показали съ поразительной очевидностью, что онъ вовсе не былъ такимъ избранникомъ Бога, какимъ надѣялся быть.

Переходимъ теперь къ обзору обширной литературы по поводу „Переписки съ друзьями“.

LXXX.

Обзоръ журнальныхъ и газетныхъ статей²⁾, вызванныхъ „Перепиской“, мы начнемъ съ замѣтки барона Розена въ „Сѣ-

¹⁾ Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 332 и 326

²⁾ Или Гоголь чрезвычайно интересовался; такъ онъ получилъ Арх. Ос. Рос-

верной Пчелѣ“: „Поэма Н. В. Гоголя объ Одиссеѣ“, — на томъ основаніи, что разбираемое здѣсь письмо Гоголя „объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, хотя и появилось годомъ раньше „Переписки“, но потомъ самимъ авторомъ было включено въ его новую книгу. Собственно говоря, по этой статьѣ публика отчасти какъ бы заранѣе познакомилась съ „Выбранными мѣстами“. Извѣстно, что въ ней Гоголь уже слишкомъ поддался какому-то болѣзненному увлеченію и съ необыкновенной отвагой позволилъ себѣ нѣкоторыя не основанныя на фактахъ заключенія и даже мечты, причемъ крайне увѣренный тонъ автора поражалъ чрезвычайно рѣзкимъ диссонансомъ съ дѣйствительными правами его на смѣлое публичное поученіе, касающееся вопросовъ, ему недостаточно извѣстныхъ. Въ данномъ случаѣ крайностями необузданнаго энтузіазма Гоголь могъ бы невольно напомнить К. С. Аксакова, такъ смѣло поставившаго его, нѣсколькими годами раньше, на недосыгаемой высотѣ рядомъ только съ Гомеромъ и Шекспиромъ; возражать въ томъ и въ другомъ случаѣ было, конечно, вовсе не трудно. Баронъ Розенъ, лично знавшій Гоголя въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и уже тогда враждебно относившійся къ нему и къ его созданіямъ, не могъ пропустить благопріятнаго случая, чтобы не поглумиться надъ только-что напечатаннымъ письмомъ и объявить его въ насмѣшку небывалымъ произведеніемъ и даже „поэмой“, язвительно намекая послѣднимъ словомъ на странный, по его мнѣнію, титулъ, присвоенный Гоголемъ „Мертвымъ Душамъ“.

Критикъ „Сѣверной Пчелы“ съ лукавымъ злорадствомъ предается ликованію по поводу предполагаемаго имъ жалкаго и рѣшительнаго фіаско либеральной критики, открыто провозгласившей геніальность Гоголя. Еще не приступая къ разбору письма, онъ пародируетъ извѣстныя слова о Гете, что „природа, разумѣется, изящная, хотѣла знать, какова она собою — т.-е. пожелала посмотрѣться въ зеркалѣ, — и создала Гете“ — такимъ образомъ: „неизящная, не чистая при-

---

сету высылать ему «всѣ толстыя и тонкія литературныя журналы, какіе ни издаются въ Петербургѣ» («Русск. Стар.», 1884, I, 166). Позднѣе онъ объяснялъ овладѣвшее имъ передъ поѣздкой въ Палестину смущеніе духа дѣйствіемъ на него отзывомъ о «Перепискѣ». (См. письма его къ А. О. Смирновой, «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 409, и въ письмѣ къ Шереметевой, стр. 412, также соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 550).

рода захотѣла смотрѣться въ кривомъ зеркалѣ — и создала Гоголя¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ заявленіе критика о томъ, что паденіе таланта Гоголя, котораго естественно было и даже слѣдовало ожидать, превзошло теперь всѣ опасенія, въ доказательство чего и разбирается письмо объ „Одиссеѣ“.

На слова Гоголя, что „Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее поэтическое произведеніе всѣхъ вѣковъ“, что „Іліада передъ нею эпизодъ, что въ Европѣ ея не оцѣнили“ и наконецъ, что „глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ мнѣ²⁾“, баронъ Розенъ, опровергая крайнее увлеченіе Гоголя, отвѣчаетъ указаніемъ отчасти несомнѣнныхъ фактовъ, но неизвѣстныхъ Гоголю, и настаиваетъ на недостаточной компетентности его въ вопросахъ, о которыхъ онъ взялся говорить; отчасти же предается пустому и недостойному глумленію надъ своимъ противникомъ, напр.: „Одиссея не оцѣнена въ Европѣ! Она, можетъ быть, не оцѣнена на хуторѣ близъ Диканьки!“ Баронъ Розенъ указываетъ Гоголю извѣстныхъ переводчиковъ и цѣнителей Гомера въ ученой нѣмецкой литературѣ и наконецъ злобно насмѣхается надъ парадоксомъ Гоголя, что „нужно было сдѣлаться христіаниномъ³⁾, дабы приобрѣсть прозирающій взглядъ, глубоко вонзающійся въ жизнь, который никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни“. „Чудо!“ смѣется критикъ: „для того, чтобы лучше передавать язычника, надобно быть христіаниномъ!“ Шевыревъ сообщалъ Гоголю объ этомъ отзывѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Розенъ возсталъ на него“ (на письмо) „такими словами: если „Іліаду“ и „Одиссею“ язычникъ могъ сочинить, что гораздо труднѣе, то, спрашивается, зачѣмъ же нужно быть христіаниномъ, чтобы ихъ перевести, что гораздо легче. Многіе находили это замѣчаніе чрезвычайно вѣрнымъ, глубокомысленнымъ и остроумнымъ. Болѣе снисходительные судьи о тебѣ сожалѣютъ о томъ (sic), что ты впалъ въ мистицизмъ“⁴⁾. — Въ концѣ статьи Розена высказывается сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы

---

1) «Сѣверная Пчела», 1846 г., № 181, стр. 729.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 31.

3) Тамъ же, стр. 27.

4) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 31.

„Одиссея“, хотя бы переведенная и Жуковскимъ, могла оказать такое могущественное дѣйствіе на все русское общество, какое предсказывалъ ей Гоголь.

LXXXI.

Баронъ Розенъ на этотъ разъ оказался если не застрѣльщикомъ, то, по крайней мѣрѣ, первымъ по времени бойцомъ, за которымъ вскорѣ, по выходѣ уже самой „Переписки“, посыпались со всѣхъ сторонъ ярая нападенія на Гоголя, какъ справедливыя и внушенныя сожалѣніемъ объ упадкѣ его таланта, такъ еще болѣе — злорадныя и возмутительно наглыя. Какъ много появилось по поводу „Переписки съ друзьями“ статей и какой шумъ она произвела уже въ самомъ началѣ, можно судить по слѣдующимъ начальнымъ строкамъ одной изъ рецензій, именно въ „Финскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ сказано: „Ни одна книга, въ послѣднее время, не возбуждала такого шумнаго движенія въ литературѣ и обществѣ, ни одна не послужила поводомъ къ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ толкамъ, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, — а между тѣмъ этотъ отзывъ напечатанъ уже въ февральской книжкѣ журнала, вышедшей, судя по цензурной помѣткѣ, 15 февраля 1847 г.¹⁾

Въ числѣ злобныхъ рецензій на „Переписку“ на первомъ планѣ ставимъ „Библіотску для Чтенія“. Досаднѣе всего то, что старые недоброжелатели Гоголя теперь высоко подняли голову и еще громче закричали, что „господинъ Гоголь долго начиналъ, долго обѣщалъ — и вдругъ среди началъ и обѣ-

---

1) Въ этой коротенькой рецензій отдается полная справедливость дарованію Гоголя и значенію его въ русской литературѣ; онъ прямо поставленъ здѣсь рядомъ съ Пушкинымъ, а въ отраженіе извѣстныхъ нелѣпыхъ толковъ о захваливаніи Гоголя друзьями «Финскій Вѣстникъ» заявляетъ: «Нѣтъ, милостивые государи, публику нельзя морочить словами: какъ вы ни кричите, какъ ни возвеличивайте въ своихъ похвалахъ писателя, но если факты не подтвердятъ вашихъ сужденій, громкія фразы ваши останутся гласомъ воиющаго въ пустынѣ». («Финскій Вѣстникъ», 1847, 2, стр. 33). По поводу толковъ объ отреченіи Гоголя отъ своего таланта, «Финскій Вѣстникъ» судитъ очень дѣльно и основательно: «Какъ странно вѣрить на слово писателю о достоинствѣ его произведеній, такъ точно право судить о неудовлетворительности или бесполезности прежнихъ созданій Гоголя принадлежитъ публикѣ, а никакъ не самому писателю». Въ «Перепискѣ» рецензентъ находитъ множество парадоксовъ и противорѣчій.

щаний заключилъ поприще свое рѣшительной мѣрой¹⁾ (sic), и что „интересный образъ поэта теряется въ густомъ облакѣ усерднаго ему воскуренія“²⁾. Сенковскій потиралъ руки отъ удовольствія, что похвалы, которыми осыпали Гоголя, онъ „попраетъ ногами; онѣ ему не нужны: потомство узнаетъ его величіе“³⁾. Между прочимъ, онъ затрогиваетъ мимоходомъ даже Жуковского, шутливо называя его предтечей Гоголя, въ насмѣшку надъ похвалами ему въ статьѣ объ „Одиссеѣ“⁴⁾. Далѣе осмѣивается преувеличенное смиреніе Гоголя рядомъ съ необычайной гордостью, признаніе самимъ Гоголемъ, что онъ „поэтъ пошлости“, и наконецъ бѣдность общаго содержанія „Переписки“. Приведа длинную выписку изъ второго письма по поводу „Мертвыхъ Душъ“, отличающагося осо-

1) «Библіотека для Чтенія», 1847, т. 80, отд. 6, стр. 42.

2) «Сѣверная Пчела», 1846, № 181.

3) «Библіотека для Чтенія», 1847, т. 80, стр. 43.

4) Сенковскій съ особенной злобой задѣлъ Гоголя въ разборѣ стихотвореній Александры Бѣдаревой; вотъ что онъ тамъ писалъ: «Я держусь той теоріи, что женщина — разумѣтся, молодая: старыхъ женщинъ нѣтъ въ природѣ, какъ нѣтъ старыхъ цвѣтовъ, или старыхъ радугъ, — что женщина не что иное, какъ изображение въ вѣчномъ платьѣ. Въмѣсто сердца въ ней бьются «Мертвыя Души», — я хотѣлъ сказать: въ ней бьется поэма... Простите, что я такъ страшно обмолвился; я печаленъ — Гомеръ, знаете, боленъ! О, самолюбіе, самолюбіе квяжно! Сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ!.. Самолюбіе! Лютое самолюбіе! Посмотри, что ты сдѣлало изъ Гомера. Гомеръ боленъ! Гомеръ захворалъ на томъ, что онъ не въ шутку Гомеръ. Гомеръ возгордился невзлѣчно!.. Тпунъ вамъ на языкъ! — въ томъ числѣ и мнѣ — памъ, которые, когда явилась въ свѣтъ незабвенная поэма, предсказывали..., что это тѣмъ кончится, что тутъ уже есть начало болѣзни. Гомеръ отрекается отъ безсмертія, отъ удивленія народовъ, потому что народы не понимаютъ его» и проч. («Библіотека для Чтенія», 1846, LXXVIII, «Литературная Лѣтопись», стр. 17—18). П. С. Аксаковъ, виѣ себя отъ справедливаго негодованія на Сенковскаго, писалъ Сергѣю Тимофеевичу: «Вообразите: Сенковскій объявляетъ публично, что Гоголь боленъ, вдался въ мистцизмъ, не хочетъ продолжать «Мертвыхъ Душъ» и такъ самолюбиво замечтался, что всѣхъ учитъ, даетъ наставленія. Все это сказано съ ругательствами и насмѣшками. Онъ не называетъ его Гоголемъ, но Гомеромъ, написавшимъ «Мертвыя Души». Названіе Гомеръ повторилъ онъ разъ двадцать на одной страничкѣ. Какой мерзавецъ!». («П. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 390—391). Шенуревъ, въ свою очередь, передавая Гоголю по просьбѣ ходившіе о немъ невыгодные слухи, прибавлялъ: «Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» даже напечаталъ, что «нашъ Гомеръ», какъ онъ тебя называетъ, впасть въ мистцизмъ». (См. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893, стр. 31 и «Переписку Грота съ Плестневымъ», т. II, стр. 958). О черновомъ оригиналѣ написанныхъ Сенковскимъ разборовъ см. Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1869 г., стр. 196.

бенной рѣзкостью выраженной, рецензентъ восклицаетъ: „Изъ этого явствуется, что не легко было жить съ геніями, заслужившими монументы и торгующимися объ нихъ заранѣе съ потомствомъ; что даже опасно восхищаться ихъ произведеніями по своему разумѣнію. Малѣйшая неосторожность въ восторгѣ можетъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія, несмотря на преданность и на дружбу: геній какъ разъ напомнитъ своимъ обожателямъ, что они „не въ свои сани садятся“¹⁾). Вся книга, по словамъ рецензента, состоитъ изъ безсвязныхъ статей и въ ней нечего читать, хотя и попадаются мѣстами прекрасныя страницы о святости религіи и обязанностяхъ христіанина.

LXXXII.

Критикъ „Сѣверной Пчелы“, нѣкто Л. Брандтъ, подписавшійся псевдонимомъ Я. Я. Я., не ограничился уже однимъ злобнымъ ликованіемъ по поводу предполагаемыхъ имъ горькихъ плодовъ неумѣреннаго литературнаго захваливанія, но позволилъ себѣ нѣсколько положительно дерзкихъ выходокъ по адресу какъ Гоголя, такъ и всегда высоко цѣнившихъ его произведенія „Отечественныхъ Записокъ“. Послѣднія онъ называетъ „муравейникомъ“, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что появившійся съ 1839 года журналъ пріютилъ у себя подвижниковъ новой школы, распространилъ ея странныя возрѣнія на искусство, и ровно восемь лѣтъ оглашалъ литературный міръ русскій славою имени „литературныхъ заслугъ“ Гоголя, а литературную славу его объясняетъ стеченіемъ благопріятныхъ для него случайностей. По словамъ рецензента, все дѣло было будто бы въ томъ, что Гоголь появился именно тогда, когда „Московскій Телеграфъ“ „высшими взглядами подготовилъ почву къ блужданію по верхушкамъ предметовъ“, а публика была утомлена однообразіемъ формъ текущей литературы, которая была переполнена подражаніями нравоописательнымъ и историческимъ романамъ, и цѣлымъ потокомъ альманаховъ, отъ которыхъ некуда было дѣваться, такъ что чуть не приходилось кричать караулъ, — вообще литература была паводнена тогда высокопарными трагедіями и торжественными одами и „вслѣдствіе такого расположенія изъ бельэтажа

¹⁾ Тамъ же, стр. 50.

театральнаго готова (была) перешагнуть на грубыя скамьи масляничнаго балагана“ — и вотъ ей понравился неподдѣльный комизмъ и замысловатый малороссійскій юморъ Гоголя, понравился и „импровизированный самозванецъ Хлестаковъ, который изъ пустяковъ, по недоразумѣнію, падѣлалъ шуму въ безвѣстномъ городкѣ и въ журналистикѣ“ — и Гоголь былъ провозглашенъ учителемъ и отцомъ натуральной школы. Послѣ этого отъ Гоголя много ждали, но онъ разрѣшился *яко бы ничтожными* „Мертвыми Душами“, и наконецъ, подобно Наполеону послѣ Аустерлица и Фридланда, пожелалъ за границей отдохнуть на лаврахъ, особенно когда его объявили Гомеромъ и торжественно обѣщали цѣлый рядъ статей о его старыхъ произведеніяхъ¹⁾. Послѣ этого, по словамъ непризваннаго критика, высокомеріе и самомнѣніе Гоголя дошло до того, что онъ заживо заговорилъ о памятникѣ самому себѣ, нескромно отклоняя отъ себя эту честь, которой, по мнѣнію „Сѣверной Пчелы“, онъ не имѣлъ никакого права ожидать, такъ какъ „памятники остаются удѣломъ людей, или совершившихъ громкіе подвиги, или водворившихъ между соотечественниками своими высокія истины, или по крайней мѣрѣ принесшихъ человѣчеству какую-нибудь существенную пользу“, и изъ русскихъ писателей ихъ удостоены только Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ, съ которыми, по мнѣнію критика, никакъ нельзя сравняться Гоголю. По поводу же известнаго его завѣщанія о портретѣ Брандтъ даже имѣлъ дерзость сказать, что удѣлъ живыхъ литературныхъ известностей одинъ лишь гипсовыя карикатуры Степанова, да забавныя изображенія въ листкахъ веселой „Ералаши“ Неваховича. Еще подлѣе въ серединѣ статьи неосновательный намекъ на то, что къ Гоголю „прицѣпилась цѣлая фаланга юношей, съ дарованіями весьма сомнительными, но вооруженныхъ непомерными притязаніями и страшной жаждой пріобрѣтенія славы и вещественныхъ благъ земныхъ, весьма привлекательныхъ, но, къ сожалѣнію, не добываемыхъ даромъ“²⁾.

Во второй части своей рецензіи Брандтъ переходитъ къ разбору отдѣльных статей „Черепицы“, но на самомъ дѣлѣ онъ не столько разбираетъ книгу, сколько приводитъ выдержки

1) Очевидный намекъ на Вѣлинскаго.

2) «Сѣверная Пчела», 1847, № 74, стр. 294.

часто дѣйствительно неудачныхъ мнѣній и отдѣльныхъ мыслей, встрѣчающихся въ „Переннскѣ“. Приведемъ два-три примѣра. Авторъ говоритъ: „нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта, чтобы узнать его. Это просто вздоръ“¹⁾. „Дѣйствительно, говоря словами автора, это „вздоръ“ думать наоборотъ, что познаніе свѣта пріобрѣтается въ отчужденіи отъ него, взаперти. Или: въ статькѣ „Совѣты“ авторъ объявляетъ публикѣ, что онъ, „хотя ничуть не умнѣе никого“²⁾, но мастеръ давать превосходные совѣты, за которыми къ нему обращаются и люди незнакомые, и всѣхъ онъ, по крайнему разумѣнію своему, надѣляетъ добрыми наставленіями“. Послѣ этихъ и подобныхъ выдержекъ слѣдуетъ исчисленіе догадокъ о причинѣ, побудившей Гоголя издать свое послѣднее произведеніе. „Одни считаютъ новую книгу Гоголя плодомъ разстроеннаго болѣзненнаго воображенія; другіе видятъ здѣсь крайнія выходки непоумѣрнаго самолюбія, избалованнаго безусловными восторженными похвалами нѣкоторыхъ критиковъ, и въ то же время раздраженнаго рѣзкими, хотя, по собственному сознанію автора, и справедливыми замѣчаніями его противниковъ“³⁾; теперь и думаютъ, что онъ имѣлъ въ виду обезоруживать послѣднихъ мнимою скромностью и строгимъ осужденіемъ написаннаго имъ; наконецъ, четвертые полагаютъ, что все это не что иное, какъ новый замысловатый *жартъ* малороссійскій, которымъ авторъ надѣялся

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 38.

2) Тамъ же, стр. 75.

3) Кромѣ этой статьи, въ «Сѣверной Пчелѣ» продолжались мелкія выходки противъ Гоголя; напр., въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, Булгаринъ глумился надъ тѣмъ, что «почтеннаго господина Гоголя, который никогда не позвѣшался надъ Поль де-Кокомъ и Пиго-Лебреномъ, провозгласили Гомеромъ. Послѣ господина Гоголя выдвинули изъ толпы другого молодого человѣка, господина Достоевскаго, и назвали его гениемъ равнымъ Гоголю» («Сѣверная Пчела», 1847, № 81, стр. 332). По поводу этого фельетона, мы находимъ нѣсколько страницъ въ «Современникѣ» (1847, т. V, смѣсь, стр. 122—225), гдѣ въ отпоръ злорадству Булгарина обращено вниманіе на то, что напрасно «Сѣверная Пчела» послѣшила обольстить себя надеждой, будто бы литературное значеніе Гоголя пошатнулось, хотя своими необыкновенными признаніями Гоголь произвелъ странное и не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе на свой собственный счетъ (стр. 124), и что несправедливо, будто Гоголь изображаетъ одно мелкое и ничтожное, доказательствомъ чему служить «Тарасъ Бульба», лицо художника Пискарева, наконецъ трагическій элементъ есть въ «Шпигели» и «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ». Затѣмъ дается обѣщаніе, что въ «Современникѣ» будетъ еще статья о Гоголѣ.

озадачить публику и критику, запутать ихъ въ вопросахъ, надѣялся во всякомъ случаѣ заставить заговорить о немъ именно въ то время, когда продолжительное молчаніе его и разные слухи, приносившіеся изъ-за границы, давали поводъ думать, что литературное поприще его уже кончилось“. Впрочемъ, въ доказательство своего безпристрастія авторъ критики упоминаетъ съ похвалою на статью „О существѣ русской поэзіи и ея особенности“, дѣйствительно одну изъ лучшихъ въ книгѣ. Наконецъ онъ даетъ обѣщаніе возвратиться къ обстоятельному разбору произведеній Гоголя, начиная съ „Мертвыхъ Душъ“.

Въ статьѣ Брандта необходимо отмѣтить еще слѣдующую дикую выходку противъ почитателей Гоголя: „Забавно видѣть, какъ эти недавніе восторженные хвалители Гоголя мгновенно поворотили противъ него артиллерию своей критики, и вотъ еще вчерашній ихъ идеалъ литературнаго величія вдругъ стать для нихъ предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ и мишенью журнальной стрѣльбы“¹⁾.

LXXXIII.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появились письма къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями“ извѣстнаго Н. Ф. Павлова. Всѣхъ писемъ было четыре, но одно изъ нихъ почему-то осталось ненапечатаннымъ, а равно и въ копіи, находящейся въ архивѣ наслѣдниковъ Гоголя, его не имѣется, изъ чего можно заключить, что оно осталось тайной для самого адресата²⁾. Письмамъ посчастливилось въ нашей литературѣ; они были перепечатаны дважды: въ первый разъ въ томъ же, 1847 году, въ „Современникѣ“ (1847 г., т. III, № 5, Смѣсь, стр. 1—16; т. IV, № 8, стр. 88—93) и въ 1890 г. — въ „Русскомъ Архивѣ“. О нихъ далъ уже въ 1848 г. хорошій и, кажется, не совсѣмъ заслуженный отзывъ Бѣлинскій. Приводимъ

1) «Сѣверная Пчела», 1847, № 75, стр. 299.

2) О третьемъ письмѣ Павлова мы имѣемъ только одно упоминаніе вскользь въ слѣдующемъ письмѣ Боткина къ Краевскому: «Вы, конечно, замѣтили въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» письма къ Гоголю Н. Ф. Павлова. Вотъ образцовая критика, критика, напоминающая манерой своей Вольтера: Павловъ бьетъ Гоголя его же оружіемъ, а я не знаю, каково-то будетъ чувствовать себя онъ, читая эти письма! Ихъ будетъ нѣсколько; *третье* письмо превосходно» (Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889, стр. 78, — письмо отъ Запр. 1847 г.). Напротивъ Шевыревъ сообщалъ Гоголю, что третье письмо будго бы не было и написано (Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 50).

здѣсь весь этотъ коротенькій отзывъ: „Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято „Перепиской Гоголя съ друзьями“. Можно сказать, что память объ этой книгѣ и теперь поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголю онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобъ показать его невѣрность собственнымъ своимъ началамъ. Точность мысли, ловкость діалектики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлають письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло кончится тремя письмами!“¹⁾ Такой взглядъ Бѣлинскаго на письма и былъ, конечно, причиной перепечатки ихъ вскорѣ потомъ въ „Современникѣ“. Но главное основаніе, по которому они были поставлены высоко Бѣлинскимъ, заключалось именно въ томъ, что письма стремились поразить Гоголя *его же оружіемъ*, и съ этой-то точки зрѣнія они, повидимому, непременно должны были озадачить его, но на самомъ дѣлѣ, кажется, совсѣмъ не озадачили.

Въ началѣ своей первой статьи Н. Ф. Павловъ намѣренно противопоставляетъ убѣжденію Гоголя въ томъ, что его книга написана по внушенію свыше, другое, неутѣшительное предположеніе, — что, напротивъ, дьяволъ напиталъ его слова духомъ неслыханной гордости²⁾, и, кажется, это была единственная мысль, которая, будучи родственна мистическимъ воззрѣніямъ Гоголя, проникла въ душу послѣдняго, наполняя ее по временамъ мученіями релігіознаго страха, получившаго широкой доступъ въ нее вскорѣ благодаря суровымъ обличеніямъ о. Матвѣя. Безъ вліянія послѣднихъ, конечно, слегка возникшее сомнѣніе могло бы скоро заглухнуть. Во всякомъ случаѣ, подъ указанными или пными впечатлѣніями Гоголь сталъ приписывать самый неуспѣхъ „Переписки“ и неудачныя въ ней мысли дьявольскому внушенію.

Затѣмъ, разбирая „завѣщаніе“, Н. Ф. Павловъ намекаетъ на нѣсколько нескромное побужденіе, руководившее Гоголемъ, когда онъ писалъ его; такое завѣщаніе онъ считалъ умѣстнымъ гдѣ-нибудь въ романѣ или повѣсти: „пусть принадлежитъ лицу, страдающему, безъ всякой надобности, въ полномъ развитіи

---

¹⁾ «Современникъ», 1847, № 2; Соч. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 440.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1890, т. II, стр. 286.